

Устина Наталья Викторовна

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются современные пути решения проблем смыслового развертывания художественного текста на основе его повторяющихся смысловых элементов, выявленных на разных уровнях; предлагается обозначить вертикализованную перспективу в изучении не только художественного, но и культурного текста, выводящую эти тексты и их структурные компоненты из традиционной горизонтальной синтагматики в безграничное эпистемологическое пространство культуры как семионоосферы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.112.2

Филологические науки

В статье рассматриваются современные пути решения проблем смыслового развертывания художественного текста на основе его повторяющихся смысловых элементов, выявленных на разных уровнях; предлагается обозначить вертикализованную перспективу в изучении не только художественного, но и культурного текста, выводящую эти тексты и их структурные компоненты из традиционной горизонтальной синтагматики в безграничное эпистемологическое пространство культуры как семионосферы.

Ключевые слова и фразы: феномен художественного текста; синергетика; текст как форма и культурное содержание; текстостроение; вертикализованная парадигматика экстралингвистической связности; повторяющиеся смысловые элементы текста.

Устина Наталья Викторовна, к. филол. н., доцент
Пятигорский государственный лингвистический университет
natalya.ustina@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА[©]

«Мы ищем горизонталь по вертикали».

Иосиф Бродский.

Феномен художественного текста всегда стоял в эпицентре разного рода теоретико-практических разработок, укорененных в гуманитарной сфере дисциплин, таких как синтаксис и грамматика, лексикология и семантика, стилистика и семиотика, литературоведение и искусствознание, философия и логика. Не меньший интерес в последнее время он вызывает и у синергетики – естествоведческого направления с его пульсацией порядка и энтропии, флуктуацией временной стабильности и последующего бурного развития нелинейных диссипативных систем, освободившихся от железных оков цикличности: от хождения по одному и тому же рутинному кругу.

Тем самым можно позволить себе трактовать взаимореплицирующуюся синергию духа и материи, «возвышенного и земного» по-своему, руководствуясь индивидуальным видением эпистемологической ситуации. Применительно к заявленной теме мы ее видим именно такой, что до аутентичной текстолингвистической истинности еще далеко, что лингвистика текста, решительно взявшись за текстообразовательную прагматику, заблаговременно не создала на своих «штабных кальках» сценограммы и стратегемы последующей текстинвазии, действуя, скорее, согласно стихийно-донаучному принципу подхода к обширному аналитическому материалу, каковым в данном случае является текст как форма и культурное содержание.

Преизбыток этот был обусловлен непритязательностью квазипроблемной постановки задач, сводившихся к рассмотрению элементарной синтагматической связности базовых синтаксем, тем более что слов, словесных групп, фраз и высказываний в принципе не бывает без их взаимной лексико-грамматической когеренции в текучем речевом потоке. За что ни возьмись, везде плотная, непроходимая синтаксическая вязь, изучать которую практически бессмысленно.

Отсюда вытекает, что исследователя, озаботившегося поиском сокровенных моделей текстостроения, должна, как минимум, привлекать *вертикализованная парадигматика экстралингвистической связности*, а не приземленная и предсказуемая синтагматика речи с ее закономерными и заранее вычисляемыми свойствами одних и тех же коннекторов на фоне изменчивой смысловой фактуры. В заданных принципах текстовой креативности мы бы желали ощущать «плазменную» неукротимость *ментальной*, а не слепую «ползучесть» субстратной синергии, повинующуюся требовательным *материальным* аттракторам. Разумеется, что такое возможно только в идеале, а не в прямом аналитическом приближении к деконструктивным реалиям, хотя провести общую суперрекогносцировку объекта «по сторонам света» единого культурного поля, каковым является культуротекст (культурный текст), крайне необходимо, чтобы не запутаться в непроходимых лабиринтах повседневной прагматики.

В данном ракурсе зрения лингвистика текста может и должна рассматриваться как наука чисто практических подходов и упущенных теоретических возможностей ментального конструирования итерированного пространства художественного текста.

Ее фундаментальный просчет заключался уже в самом пиартителе: «*лингвистика текста*», хотя на самом деле она занималась если не голыми фразами-высказываниями, то, во всяком случае, неопределенным набором неких промежуточных синтаксических единиц между фразой и целым текстом, так до конца с точностью и не определенных. Внутри них она интересовалась проблематикой лексико-грамматического связывания фразы с фразой, вследствие чего она становилась как бы «*лингвистикой* – если данный рабочий термин здесь подходит – *сверхфразового единства*», точно такого же эфемерного и «летучего» синтаксико-семантического образования, как и многочисленные аналоговые единицы типа сложного синтаксического целого, сложного синтаксического единства, сверхфразового единства, «прозаической строфы», параграфа, абзаца и так далее [3, с. 7]. Отсюда выводится и характеристика самой лингвистики текста, когнитологический

смысл которой точно так же «летуч», как и ее компоненты. Между тем термин «лингвистика», в отличие от традиционного термина «языкознание», хотя бы в какой-то мере предполагает инновационную исследовательскую базу, невзирая на некоторые издержки в концептуальных принципах оговоренной абзацной делимитации, о чем говорилось выше: признак визуальной формализации идет от фиксированного письменного текста, в то время как интонация – от устной речи.

И такого рода нестыковок центральных операциональных категорий лингвистики текста можно назвать большое множество. Самая главная из них это то, что ни терминологически, ни понятийно, ни операционально она не отвечает своему названию, а следовательно, и сути. По крайней мере, в ее рамках не было создано таких работ, в которых какое-нибудь грамматическое явление развернуто рассматривалось бы как один к одному со своей средой: *грамматическая единица – с текстовой структурой*, например. А также использование повторяющихся синтаксических или лексико-грамматических элементов на общесмысловом функциональном фоне целостного текста, а не каких-то его размытых по форме и по существу, к тому же неустойчивых промежуточных образований, балансирующих между фразой и текстом и вовсе не претендующих на строгую делимитативную отграниченность.

Эпицентральной осью малопривычного семиосинкрета разнородных представлений становится *язык* в двойном смысле: язык как банальный феномен лингвистики и Язык (с большой буквы) как универсальный культурный код. Функционирование того и другого базируется на итеративной сути коммуникативной речи и семиотизированного текста, без чего они в целом не смогут самоосуществляться. Выведение лингвистических категорий на высокую орбиту познания способно внести свет в обе сферы эпистемологического процесса: итеративного развертывания культурогенной ментальности и формально-языковых конструктивных опор подобного развертывания. Еще короче – сущностной динамики мышления и ее языковой реализации в конкретно-речевом и глобально-культурном измерениях, когда в зависимости от необходимости слово «язык» проговаривается в парадигмальном представлении с малой или большой буквы.

Из всех языковых измерений только последнее выдает на выходе целостный текст в чистом виде как продвинутое условие *sine qua non*. Это значит, что отбрасывается за ненадобностью мелочное «плетение словес» от фразы к фразе – все, чем индуктивная лингвистика текста занималась с таким неподдельным рвением, и легитимируется обратный, дедуктивный вектор вычленения из единой общекультурной семиосреды такого, все же достаточно «жесткого» образования, как целостный текст – центральной и единственной единицы культурной коммуникации и обмена эстетической информацией в межкультурном общении и текстовом сообщении. «*Лингво вселенная текста*» выступает, тогда как реализация невыявленных потенций текстолингвистики в деле ментального конструирования гуманитарного пространства.

Раздвинутые перспективы познания указывают на вольные горизонты, которыми обязана вдохновляться не только квантовая механика или ядерная физика, молекулярная химия или синергетика, но и учение о языке – семиотика и даже банальная лингвистика текста, поскольку все они без исключения причастны глобальному культурогенезу.

Что касается не только фронтальных исследовательских перспектив, открывающихся на нынешнем этапе эпистемологии перед глазами ученых нового поколения, но и текущей языковой конкретики, направляющей когнитивную оптику на окружающий синкретический мир, то такого рода развертывание новых планов и ракурсов последнего гносеологического периода можно было бы завершить цитатой из книги одного из соавторов данной монографии «*Большой Органон антропоразума*», изданной в Санкт-Петербурге:

«Предмет исследования монографии, – говорится в ее аннотации, – законы культурогенеза. Устанавливается, что вектор генетических мутаций проходит не через культурную поверхность с ее готовыми артефактами, а через глубинно-генетический уровень замысла. На указанной глубине обнаруживается динамика культурогенного разума, истоком эволюции которого является дейктический жест. Языковой дизайн-дубликат формирует культурный продукт от его зарождения до цивилизационного финала, осуществляя коммуникацию культуры с мышлением, а человека с культуротекстом. Завязанные в дейктический эпицикл инфляционной Лингво вселенной, геномные структуры жестового языка образуют основополагающие коды трансцендентности: ментальной лого,- семио- и ноосферы – человека разумного” на всех этапах его сапиентизации вплоть до настоящего времени» [2, с. 2].

Лингвистику текста мы рекомендуем тем самым ставить в один ряд с генетическим кодом, структурой творческого акта, уровнем замысла, «дейктотектоникой геокультурных плит», глубинной теорией культуры и прочими микро- и макроскопическими объектами синерго-филологического и синерго-культурологического изучения. Хотя бы приблизительно так: «“Текст” – любое двустороннее языковое образование, имеющее смысл и обладающее свойствами спонтанности, системности и синергии, функционирующее как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система;... самодвижение текста как энергетического бытия – его внутренняя жизнь – ведет через мерцательную игру смыслов к точечной энергопульсации его сущности, что в совокупности осознается как смысл текста» [1, с. 62], – так воспринимала Н. Л. Мышкина его синергетическую суть еще двадцать два года назад, показывая пример, как следует с ним работать. Результатами широкомаштабных когнитивных процедур открывается вертикализованная перспектива в изучении культурного текста, выводящая его и его структурные компоненты из привычной горизонтальной синтагматики в безграничное эпистемологическое пространство культуры как семионоосферы. Так можно реформировать филологическую идеологию, чтобы затем сделать ее парадигмальную платформу составной частью множественных этажей Единой Культурогенной вертикали – отнюдь не малозначительной, как на первый взгляд может показаться с точки зрения протофилологической истории.

Список литературы

1. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 212 с.
2. Устин А. К. Большой Органон антропоразума. СПб.: Астерион, 2012. 224 с.
3. Устина Н. В., Устин А. К. Синергетика повтора как энергия смыслового структурирования текста. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 134 с.

MODERN PROBLEMS OF LITERARY TEXT

Ustina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pyatigorsk State Linguistic University
natalya.ustina@mail.ru

The author considers the modern solutions to the problems of literary text semantic development basing on its repeating semantic elements revealed at different levels, and suggests identifying the verticalized perspective in the study of not only literary, but also cultural text that depicts these texts and their structural components of the traditional horizontal syntagmatics in boundless epistemological culture space as semio-noosphere.

Key words and phrases: phenomenon of literary text; synergetics; text as form and cultural content; text formation; verticalized paradigmatics of extra-linguistic connectivity; repeating semantic elements of text.

УДК 808; 81'26

Филологические науки

В статье рассматривается феномен литературного языка в условиях тоталитаризма. Работа содержит новый на сегодняшний день подход к изучению тоталитарной культуры, когда акцент сделан не на идеологии, а на реальном функционировании массовой пропаганды. Цель – выявление влияния такового функционирования на судьбу русского литературного языка. Делается вывод о контрпродуктивности пропаганды вследствие ее беспрецедентной интенсивности и о неизбежном размывании литературного языка и его жаргонизации как о дальнем следствии происходящих в советское время процессов.

Ключевые слова и фразы: литературный язык; кодификация; советский; риторика; пропаганда; жаргонизация языка.

Хазагеров Георгий Георгиевич, д. филол. н., доцент

Щемелева Елена Юрьевна, к. филол. н., доцент

Южный федеральный университет

khazagerov@gmail.com; mansy@rambler.ru

ПАРАДОКСЫ ТОТАЛИТАРНОЙ РИТОРИКИ: ЯЗЫК[©]

Настоящая статья является частью цикла, посвященного саморазрушению тоталитарной риторики и его последствиям для русского культурно-языкового пространства. В других работах рассматривается аспект речи (система общих мест тоталитарной пропаганды и нарушение жанровой природы различных текстов в связи с необходимостью внедрения в них агитационного содержания). В данной же статье мы сосредоточимся на проблемах литературного языка тоталитарного периода. Наша гипотеза состоит в том, что массированная пропагандистская атака на литературный язык объективно ведет к дискредитации пропаганды и подрывает основу литературного языка, стимулируя жаргонизацию, гумилизацию и редукцию сложного.

В работах по советологии официальному советскому языку противопоставлялся «язык сопротивления». В этом ключе, например, написана содержательная монография Э. Лассан [8]. Однако в реальной жизни больший удельный вес имело не сознательное сопротивление официальной идеологии, а «обживание» официальной картины мира в языке. Да и само крушение советского мира произошло не в результате диссидентского сопротивления, но явилось следствием столкновения утопии с реальной жизнью, вследствие чего у советской власти на момент ее крушения не оказалось победителей, что и предопределило всю траекторию переходного периода. Подводя итоги советологическим исследованиям, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов говорят о диглоссии советского языка, проводя вслед за Дж. Данном аналогию с церковнославянско-русской диглоссией [2, с. 5]. Речь, однако, скорее всего, должна идти о полиглоссии, а точнее о функциональных разновидностях языка, не совпадающих, разумеется, с пятью функциональными стилями литературного языка, отражающими официальную картину общественного устройства. Напомним, что виноградская система стилей до сих пор с незначительным изменением – введен религиозно-проповеднический стиль – является канонической [22, с. 581-583]. Приведем лишь один, но очень значимый пример, показывающий, насколько важно для лингвиста представлять себе реальное функционирование советской системы.